В. ДОРОШЕВИЧ

ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ

В. Дорошевич

ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ

«ЭХО»

Регенсбург 1947 г.

Смейтесь чтоб не плакать.
В. Дорошевич.

Сказка о сказке
Халиф и грешница
Как с Гассана свалились штаны
Не те пятки

СКАЗКА О СКАЗКЕ

Однажды Истине пришло в голову попасть во дворец.

Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Аллах акбар! Создав женщину, Ты создал фантазию.

Она сказала себе:

— А почему бы нет? Много гурий в раю Пророка, много красавиц в земном раю,—в гареме халифа. В садах Пророка не была бы я последней из гурий, среди жен падишаха я, быть может, была бы первой из жен,и среди одалисок—первой из его одалисок. Где кораллы ярче моих губ, и дыхание их—как воздух полудня. Стройны мои ноги, и как две лилии—грудь моя, —лилии, на которых выступили пятнышки крови. Счастлив тот, кто склонит голову на мою грудь. Чудные сны приснятся ему. Как луна в первый день полнолуния, светло лицо мое. Как черные бриллианты горят мои

глаза и тот, кто в минуту страсти заглянет в них близко-близко, как бы велик он ни был! — увидит себя в них таким маленьким, таким маленьким, что разсмеется. Аллах создал меня в минуту радости и вся я—песнь своему Творцу.

Взяла и пошла.

Одетая только в свою красоту.

На пороге дворца ее с ужасом остановил страж.

—Чего ты хочешь здесь, женщина, забывшая надеть не только чадру!

—Я хочу видеть славного и могущественного султана Гарун-аль-Рашида, падишаха и халифа, нашего великого повелителя. Аллах один да будет повелителем на земле.

—Да будет во всем воля Аллаха. Как твое имя? Бесстыдство?

—Мое имя: Истина. Я не сержусь на тебя, воин. Истину часто принимают за бесстыдство, так же, как ложь за стыд. Иди и доложи обо мне.

Во дворец халифа все пришли в волнение, узнав, что пришла Истина.

—Ее приход часто означает уход для многих! —задумчиво сказал великий визирь Джиаффар.

И все визири почувствовали опасность.

—Но она женщина!—сказал Джиаффар: — у нас принято, что всяким делом занимается тот, кто в нем ничего не понимает. И потому женщинами ведают евнухи.

Он обратился к великому евнуху.

Хранителю покоя, чести и счастья падишаха.

И сказал ему:

—Величайший из евнухов! Там пришла женщина, полагающаяся на свою красоту. Удали ее. Помня, однако, что все это происходит во дворце. Удали ее по придворному. Так, чтоб все было красиво и пристойно.

Великий евнух вышел на крыльцо и мертвыми глазами взгляну на обнаженную женщину.

—Ты хочешь видеть халифа? Но халиф не должен видеть тебя в таком виде.

— Почему?

—В таком виде приходят на этот свет. В таком виде уходят с него. Но ходить в таком виде на этом свете нельзя.

—Истина только тогда и хороша, ког-

да она голая истина.

—Твои слова звучат правильно, как закон. Но падишах выше закона. И падишах не увидит тебя такой!

—Такою создал меня Аллах. Берегись, евнух, осуждать или порицать. Осуждение было бы безумием, порицание—дерзостью.

—Я не смею осуждать или порицать того, что создал Аллах. Но Аллах создал картофель сырым. Однако, прежде чем есть картофель, его варят. Аллах создал мясо барашка полным крови. Но чтобы есть мясо барашка, его сначала жарят. Аллах создал рис твердым, как кость. И чтобы есть рис, люди варят его и посыпают шафраном. Что сказали бы о человеке, который стал бы есть сырой картофель, сырое баранье мясо и грызть сырой рис, говоря: «Такими создал их Аллах!» Так и женщина. Для того, чтобы быть раздетой, она должна быть сначала одета.

—Картофель, баранина, рис!—с негодованием воскликнула Истина, — а яблоки, а груши, душистые дыни? Их тоже варят, евнух, прежде, чем есть?

Евнух улыбнулся так, как улыбаются евнухи и жабы.

—У дыни срезают корку. С яблок и груш снимают кожу. Если ты хочешь, чтоб мы поступили так же с тобою...

Истина поспешила уйти.

—С кем ты говорил сегодня утром у входа во дворец и,кажется, говорил сурово?—спросил Гарун-аль-Рашид у хранителя его покоя, чести и счастья,—и почему во дворце было такое смятение?

—Какая-то женщина, бесстыдная до того, что желает ходить так, как ее создал Аллах, хотела тебя видеть!—ответил великий евнух.

—Боль родит страх, а страх родит стыд!—сказал халиф,—если эта женщина бесстыдна, поступите с ней по закону!

—Мы исполняем твою волю, прежде чем она произнесена!—сказал великий визирь Джиаффар, целуя землю у ног повелителя—с женщиной так и поступлено!

И султан, с благосклонностью глядя на него, сказал:

—Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, Ты

создал упрямство.

Истине пришло в голову попасть во дворец.

Во дворец самаго Гарун-аль-Рашида.

Истина надела власяницу, подпоясалась веревкой, взяла в руку посох и снова пришла ко дворцу.

—Я — Обличение! — сурово сказала она стражу: именем Аллаха я требую, чтобы меня допустили к халифу.

И страж в ужасе—стражи всегда приходят в ужас, когда ко дворцу халифа приближается посторонний,— страж в ужасе побежал к великому визирю.

Опять та женщина!—сказал он: — она прикрыта власяницей и называет себя Обличением. Но по глазам я увидел, что она—Истина.

Визири пришли в волнение.

—Какое неуважение к султану—идти против нашей воли!

И Джиаффар сказал:

—Обличение? Это уж касается великого муфтия.

Призвал великого муфтия и поклонился ему:

—Да спасет нас твоя праведность!

Поступи благочестиво и по придворному.

Великий муфтий вышел к женщине, поклонился ей до земли и сказал:

—Ты—Обличение? Да будет благословен твой каждый шаг на земле. Когда муэдзин с минарета пропоет славу Аллаху, правоверные соберутся в мечеть для молитвы, — приходи. Украшенное резьбою и перламутром кресло шейха я с поклоном уступлю тебе. Обличай правоверных! Твое место в мечети.

—Я хочу видеть халифа!

—Дитя мое! Государство—это могучее дерево, корни которого глубоко ушли в землю. Народ—это листья, которые покрывают дерево и падишах —это цветок, который цветет на этом дереве. И корни, и дерево,и листья,— все для того, чтобы пышно цвел этот цветок. И благоухал,и украшал дерево. Так создал Аллах! Так хочет Аллах! Твои слова, слова Обличения,поистине живая вода.Да будет благословенна каждая росинка этой воды! Но где ж ты слышала дитя, чтобы поливали самый цветок? Поливают корни. Поливай корни, чтобы пышней цвел

цветок. Поливай корни, мое дитя. Иди отсюда с миром, твое место в мечети. Среди простых правоверных. Там обличай!

И со слезами злости на глазах ушла Истина от ласкового и мягкого муфтия.

А Гарун-аль-Рашид спросил в тот день:

—Сегодня, утром, у входа в мой дворец ты говорил с кем-то, великий муфтий, и говорил кротко и ласково, как всегда, а во дворце почему-то была в это время тревога. Почему?

Муфтий поцеловал землю у ног падишаха и ответил:

—Все беспокоились, а я говорил кротко и ласково, потому что это была безумная. Она пришла во власянице и хотела, чтобы ты тоже ходил во власянице. Смешно даже подумать ! Стоит ли быть властителем Багдада и Дамаска, Бейрута и Бельбека, чтобы ходить во власянице! Это значило бы быть неблагодарным Аллаху за его дары. Такие мысли могут приходить только безумным.

— Ты прав—сказал халиф — если эта женщина безумна, к ней надо отнестись с жалостью, но сделать так,

чтобы она не могла никому повредить.

— Твои слова, падишах, служат похвалою для нас, твоих слуг. Так нами и поступлено с женщиной! — сказал Джиаффар.

И Гарун-аль-Рашид с благодарностью взглянул на небо, пославшее ему таких слуг:

— Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, Ты создал хитрость.

Истине пришло в голову попасть во дворец.

Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина приказала достать себе пестрых шалей из Индии, прозрачного шелка из Бруссы, золотом затканных материй из Смирны.

Со дна моря она достала себе желтых янтарей.

Убрала Себя перьями птичек, таких маленьких, что оне похожи на золотых мух и боятся пауков.

Убрала себя бриллиантами, похожими на крупные слезы, рубинами, как капли крови, розовым жемчугом, который кажется на теле следом от

поцелуев, сапфирами, подобными кусочкам неба.

И рассказывая чудеса про все эти чудесные вещи, веселая, радостная, с горящими глазами, окруженная несметной толпой, слушавшей ее с жадностью, восторгом, с замиранием сердца, подошла ко дворцу.

— Я — Сказка. Я — Сказка, пестрая, как персидский ковер, как весенние луга, как индийская шаль. Слушайте, слушайте, как звенят мои запястья и браслеты на руках, на ногах. Они звенят так же, как звенят золотые колокольчики на фарфоровых башнях богдыхана китайского. Я расскажу вам о нем. Смотрите на эти бриллианты, они похожи на слезы, которые проливала прекрасная принцесса, когда милый уезжал на край света за славой и подарками для нее. Я расскажу вам о прекраснейшей в мире принцессе. Я расскажу вам о любовнике, который оставлял на груди своей милой такие же следы от поцелуев, как эта розовая жемчужина. А ее глаза в это время становились от страсти матовыми, большими и черными, как ночь или этот черный жемчуг.

Я расскажу об их ласках. О их ласках в ту ночь,когда небо было синим-синим, как этот сапфир, а звезды блистали,как это алмазное кружево. Я хочу видеть падишаха, пусть Аллах пошлет ему столько десятков лет жизни, сколько букв в его имени и удвоит их число и снова удвоит, потому что нет конца и предела щедрости Аллаха. Я хочу видеть падишаха, чтобы рассказать ему про леса из пальм, завитые лианами, где летают птички, похожие на золотых мух, про львов абиссинского Негуса, про слонов раджи Джейпута, про красоту Таджъ-Магаля, про жемчуга повелителя Непала. Я—Сказка, я—пестрая Сказка.

И заслушавшийся ее историй, страж позабыл о том,чтобы доложить о ней визирям.

Но Сказку уж увидели из окон дворца.

—Там Сказка! Там пестрая Сказка!

И Джиаффар, великий визирь,сказал, разглаживая бороду и с улыбкой:

—Она хочет видеть падишаха? Пустите ее! Нам ли бояться вымыслов? Тот,кто делает ножи,ножей не боится.

И сам Гарун-аль-Рашид, услышав

веселый шум, спросил:

—Что там? Перед дворцом и во дворце? Что за говор? Что за шум?

—Это пришла Сказка! В чудеса разодетая Сказка! Ее слушают сейчас в Багдаде все, все в Багдаде, от мала до велика, и наслушаться не могут. Она пришла к тебе, повелитель!

—Аллах да будет один повелитель! И я хочу слышать то же, что слышит каждый из моих подданных. Пустите ее!

И все резные, и слоновой кости, и перламутровые двери открылись перед Сказкой.

И среди поклонов придворных и упавших рабов Сказка прошла к халифу Гаруну-аль-Рашиду.

Он встретил ее ласковой улыбкой.

И Истина в виде Сказки предстала перед халифом.

Он сказал ей, ласково улыбаясь:

—Говори, дитя мое, я тебя слушаю.

Аллах акбар! Ты создал Истину.

Истине пришло в голову попасть во дворец.

Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина всегда добьется своего.

Кизмет!

ХАЛИФ И ГРЕШНИЦА

Во славу Аллаха, единого и всемогущего. Во славу Пророка, да будет над ним мир и благословение.

Именем султана и эмира Багдада, халифа всех правоверных и смиренного слуги Аллаха—Гаруна-аль-Рашида,—мы, верховный муфтий города Багдада объявляем настоящую священную фетву —да будет ведомо всем.

Вот что, согласно с Кораном, вложил нам в сердце Аллах:

«Нечестие распространяется по земле, и гибнут царства, гибнут страны, гибнут народы, ради роскоши, забав, пиров и изнеженности, забывши Аллаха.

Мы же хотим, чтоб аромат благочестия возносился от нашего города Багдада к небу, как возносится благоухание его садов, как возносятся священные призывы муэдзинов с его минаретов.

Зло в мир идет через женщин.

Они забыли предписания закона, скромность и добрые нравы.

Они обвешивают себя драгоценностями с головы до ног.

Носят чадры, прозрачные как дым от наргилэ.

И если покрываются драгоценными тканями, то только для того, чтобы лучше выставить гибельные прелести своего тела.

Свое тело, это создание Аллаха,они сделали орудием соблазна и греха. Соблазняясь ими, воины теряют храбрость, купцы—богатства, ремесленники—любовь к труду,земледельцы—охоту работать.

Поэтому и решили мы в сердце своем —вырвать у змеи ее смертоносное жало.

Объявляется во сведение всех живущих в великом и славном городе Багдаде:

Всякие пляски, пение и музыка в Багдаде воспрещаются.

Запрещается смех, запрещаются шутки.

Женщины должны выходить из дома, закутанные с ног до головы покрывалами из белого полотна.

Им разрешается сделать только небольшия отверстия для глаз, чтобы они, идя по улице, нарочно не натыкались на мужчин.

Всем,—старым и молодым, красивым и безобразным,—всем знать: если у какой-нибудь из них увидят обнаженным хоть кончик мизинца, она будет обвинена в покушении на гибель всех мужчин и защитников города Багдада и немедлено же побита камнями.

Таков закон.

Исполнять его, как если бы он был подписан самим халифом великим Гаруном-аль-Рашидом.

Его милостию и назначением великий муфтий города Багдада шейх Газиф».

Под грохот барабанов, при звуках труб такую фетву прочли глашатаи на базарах, перекрестках и у фонтанов Багдада,—и в тот же миг прекратились пение, музыка и пляски в веселом и роскошном Багдаде.

Словно чума заглянула в город.

В городе стало тихо, как на кладбище.

Словно призраки брели по улицам закутанные с головы до ног в глухие,

белые покрывала женщины, и только испуганно выглядывали из узких щелочек их глаза.

Обезлюдели базары, исчезли шум и смех и даже в кофейнях замолкли болтливые раскачики сказок.

Люди всегда так: бунтуют—так уж бунтуют, а если начнут повиноваться законам, то повинуются так, что даже властям становится противно.

Сам Гарун-аль-Рашид не узнал своего веселого, радостного Багдада.

—Премудрый шейх,—сказал он великому муфтию,—мне кажется, что твоя фетва черезчур уж сурова!
—Повелитель! Законы и собаки должны быть злы, чтобы их боялись!—ответил великий муфтий.

И Гарун-аль-Рашид поклонился ему:
—Быть может, ты и прав, премудрый шейх!

В это время в далеком Каире, городе веселья, смеха, шуток ,роскоши, музыки, пения, пляски и прозрачных женских покрывал, жила танцовщица, по имени Фатьма-ханум, да простит ей Аллах ее грехи за те радости, кото-

рые она доставляла людям.

Ей исполнилась ее восемнадцатая весна.

Фатьма-ханум славилась среди танцовщиц Каира, а танцовщицы Каира славились среди танцовщиц всего мира.

Она много слыхала о роскоши и богатствах Востока, а крупнейшим бриллиантом среди Востока,—слыхала она, —сверкал Багдад.

Весь мир говорил о великом халифе всех правоверных, Гаруне-аль-Рашиде, об его блеске, великолепии, щедрости.

Слух о нем коснулся и ее розовых ушей, и Фатьма-ханум решила поехать на восток, в Багдад, к халифу Гарун-аль-Рашиду — порадовать его взор своими танцами.

—Обычай требует, чтоб каждый правоверный приносил халифу лучшее, что у него есть; принесу и я великому халифу лучшее, что у меня есть, —свои танцы.

Она взяла с собой свои наряды и отправилась в далекий путь.

Корабль, на котором она плыла из

Александрии в Бейрут, настигла буря.

Все потеряли голову.

А Фатьма-ханум оделась так, как обычно одевалась для танцев.

—Смотрите!—с ужасом показывали на нее перепуганные путники,—одна женщина уже сошла с ума!

Но Фатьма-ханум отвечала:

—Чтобы мужчине жить,—ему нужна только сабля,женщине нужно только платье к лицу,—мужчина достанет ей все остальное.

Фатьма-ханум была так же мудра, как и красива.

Она знала, что все уже написано в книге Судьбы.

Кизмет!

Корабль разбило о прибрежные скалы и, изо всех плывших на корабле, одну Фатьму-ханум выкинуло на берег.

Именем Аллаха, она с попутными караванами доехала от Бейрута до Багдада.

—А ведь мы везем тебя на смерть! —говорили ей в виде ободрения погонщики и провожатые,—в Багдаде тебя побьют камнями за то, что ты так одета!

—В Каире я была так же одета и никто меня за это не ударил даже цветком!

—Там нет такого добродетельного муфтия, как шейх Газиф в Багдаде, и он не издавал такой фетвы!

—Но за что-же? За что?

—Говорят, что такое платье возбуждает у мужчин превратные мысли!

—Как же я могу отвечать за чужие мысли? Я отвечаю только за собственные!

—Поговори об этом с шейхом Газифом!

Фатьма-ханум прибыла в Багдад с караваном ночью.

Одна, в темном, пустом, мертвом городе бродила она по улицам, пока не увидела дома, где светился огонь.

И постучалась.

Это был дом великого муфтия.

Так осенью, во время перелета птиц, ветер несет перепелок прямо в сети.

Великий муфтий шейх Газиф не спал.

Он сидел, думал о добродетели и сочинял новую фетву, еще суровее прежней...

Услышав стук, он насторожился:

—Уж не сам ли халиф Гарун-аль-Ра-

шид? Ему часто не спится по ночам, и он любит бродить по городу!

Муфтий сам отворил дверь и отступил в изумлении и ужасе.

—Женщина?! Женщина? У меня? У великого муфтия? И в такой одежде?

Фатьма-ханум глубоко поклонилась и сказала:

—Брат моего отца! По твоему величественному виду, по твоей почтенной бороде, я вижу, что ты не простой смертный. По огромному изумруду — цвет Пророка, да будет на нем мир и благословение,—который украшает твою чалму, я догадываюсь, что вижу пред собой самого великого муфтия Багдада, почтенного, знаменитого и премудрого шейха Газифа. Брат моего отца, прими меня, как ты принял бы дочь твоего брата! Я родом из Каира. Моя мать назвала меня Фатьма. Занятием я танцовщица, если только угодно назвать это удовольствие занятием. Я приехала в Багдад, чтобы повеселить взгляд халифа правоверных своими танцами. Но клянусь, великий муфтий, я ничего не знала о грозной фетве —несомненно справедливой, ибо она исходит от твоей мудрости.

Вот почему я осмелилась предстать пред тобой одетая не по фетве. Прости меня, великий и премудрый муфтий!

—Аллах один велик и премудр!—ответил муфтий,—я зовусь действительно Газиф, люди называют меня шейхом, а наш великий повелитель, халиф Гарун-аль-Рашид, назначил меня,—выше моих заслуг,—великим муфтием. Твое счастье, что ты попала ко мне, а не к простому смертному. Простой смертный, на основании моей же фетвы, должен был бы немедленно послать за заптиями или сам побить тебя камнями.

—Что же сделаешь со мною ты?!—в ужасе воскликнула Фатьма-ханум.

—Я? Ничего! Я буду любоваться тобой. Закон, как собака,—он должен кусать других и ласкаться к своим хозяевам. Фетва сурова, но фетву написал я. Будь, как дома, дочь моего брата. Хочешь петь—пой, хочешь танцевать—танцуй!

Но, когда раздался звук тамбурина, муфтий вздрогнул:

—Тише! Услышат!.. А вдруг проклятый кади узнает, что у Великого Муфтия ночью была чужестранка... О, эти

сановники! Змея не жалит змеи, а сановники только и думают, как бы ужалить друг друга. Конечно, эта женщина красива, и я с удовольствием сделал бы ее первой танцовщицей моего гарема. Но мудрость, великий муфтий. Мудрость... Отошлю-ка я эту преступницу к кади. Пусть станцует перед ним. Если кади признает ее виновной и прикажет казнить,—да свершится правосудие... Закон о моей фетве ни разу еще не применялся, а закон, который не применяется, это собака, которая не кусает. Ее перестают бояться. Ну, а если кади прельстится и помилует ее,—жало у проклятой змеи будет вырвано! Спокойно может спать тот подсудимый, в преступлении которого участвовал судья.

И великий муфтий написал к кади записку:

—Великий Кади! К тебе, как к верховному судье Багдада, посылаю я преступницу против моей фетвы. Как врач исследует самую опасную болезнь, не боясь заболеть сам,— исследуй преступление это женщины. Сам взгляни на нее и на ее танцы. И если призна-

ешь ее виновной против моей фетвы, —призови справедливость. Если же признаешь заслуживающей снисхождения,—призови в свое сердце милосердие. Ибо милосердие—выше справедливости. Справедливость родилась на земле, а родина милосердия—небо.

Великий Кади тоже не спал.

Он писал на завтра решения по тем делам, которые будет разбирать,—заранее—«чтобы не томить подсудимых ожиданием приговора».

Когда к нему привели Фатьму-ханум, он прочел записку муфтия и сказал:

—А! старая ехидна! Сам, видно, нарушил свою фетву и теперь желает, чтобы ее нарушили мы!

И, обратившись к Фатьме-ханум, промолвил:

—И так, ты, чужестранка, ищешь справедливости и гостеприимства. Прекрасно. Но, чтобы оказать тебе справедливость, я должен знать все твои преступления. Танцуй, пой, совершай свои преступные деяния. Помни одно: перед судьей ты не должна ничего скрывать. От этого зависит

справедливость приговора. Что же касается гостеприимства, то это уж специальность судьи. Судья всегда держит своих гостей дольше, чем они этого хотят.

И в доме кади в эту ночь зазвучал тамбурин.

Великий муфтий не ошибся.

Гарун-аль-Рашиду в эту ночь не спалось, и он, по своему обыкновению, бродил по улицам Багдада.

Сердце сжималось тоской у халифа.

Это ли его веселый, шумный, беспечный Багдад, не спавший обыкновенно далеко за полночь.

Теперь из всех домов несся храп.

Как вдруг сердце халифа вздрогнуло.

Он услыхал звук тамбурина.

Играли,—как это ни странно,—в доме великого муфтия.

Через несколько времени тамбурин загремел в доме кади.

—Все прекрасно в этом прекраснейшем городе!—воскликнул, улыбаясь халиф,—в то время, как пророк спит, добродетель веселится!

И он пошел во дворец, страшно заинтересованный тем, что происходило ночью, в доме великого муфтия и кади.

Едва дождался рассвета, и лишь только розовые лучи восхода залили Багдад, прошел в Львиную залу своего дворца и объявил верховный суд.

Гарун-аль-Рашид сидел на троне.

Около него стоял хранитель его чести и могущества,—оруженосец и держал обнаженный меч.

Справа от Халифа сидел великий муфтий в чалме с огромным изумрудом,—цвет Пророка, да будет над ним мир и благоволение.

Слева сидел верховный кади в чалме с огромным рубином,—как кровь.

Халиф положил ручу на обнаженный меч и сказал:

—Во имя Аллаха, единого и милосердного объявляем верховный суд открытым. Да будет он так же справедлив и милостив, как Аллах!

Счастлив город, который может спать спокойно, потому, что за него не спят его правители. Сегодня ночью Багдад спал спокойно, потому, что за него не спали трое: я,—его эмир и халиф, мой премудрый муфтий и мой грозный кади!

—Я составлял новую фетву!—сказал муфтий.

—Я занимался государственными делами!—сказал кади.

—И как радостно предаваться добродетели! Как пляска, это совершается под звуки тамбурина!—весело воскликнул Гарун-аль-Рашид.

—Я допрашивал обвиняемую!—сказал муфтий.

—Я допрашивал обвиняемую!—сказал кади.

Сто раз счастлив город, где порок преследуется даже по ночам!—воскликнул Гарун-аль-Рашид, —мы тоже знаем об этой преступнице. Мы слышали о ней от встретившегося нам ночью на улице погонщика каравана, с которым она прибыла в Багдад. Мы приказали взять ее под стражу, и она сейчас здесь. Введите обвиняемую!

Фатьма-ханум вошла дрожа и упала перед халифом.

Гарун-аль-Рашид обратился к ней и сказал:

—Мы знаем, кто ты, и знаем, что прибыла из Каира, чтобы повеселить глаза своего Халифа, своими танцами. Лучшее, что у тебя есть, принесла ты нам в простоте своей души. Но ты на-

рушила священную фетву Великого Муфтия и за это подлежишь суду. Встань, дитя мое! И исполни свое желание: танцуй перед халифом. То, от чего не погибли, ни Великий Муфтий, ни мудрый Кади—от того не погибнет, с помощью Аллаха, и Халиф.

И Фатьма-ханум начала танцевать.

Глядя на нее Великий Муфтий шептал, но так, чтобы было слышно Халифу:

—О, грех! О, грех! Она топчет священную фетву!

Глядя на нее, Верховный Кади шептал, но так, чтобы было слышно Халифу:

—О, преступление! О, преступление! Каждое ее движение достойно смерти!

Халиф смотрел молча.

—Грешница!—сказал Гарун-аль-Рашид—из города красивого порока, Каира, ты прибыла в город суровой добродетели—Багдад.Здесь царит благочестие. Благочестие,а не лицимерие. Благочестие—золото,а лйцемерие—фальшивая монета, за которую ничего не даст Аллах, кроме кары и гибели. Ни красота, ни несчастие, которые ты претерпела, не смягчают сердец твоих судей. Доб-

родетель сурова и жалость ей недоступна. Не простирай напрасно своих умоляющих рук, ни к Великому Муфтию, ни к Верховному Кади, ни ко мне, твоему Халифу… Великий Муфтий! Твой приговор этой женщине, преступившей священную фетву?

Великий Муфтий поклонился и сказал:

—Смерть!

Верховный Кади! Твой суд!

Верховный Кади, поклонился и сказал:

—Смерть!

—Смерть!—говорю и я. Ты преступила священную фетву, и должна быть побита камнями тут же на месте немедля ни мгновения. Кто же первый бросит в тебя камень?. Я, твой Халиф!.. Я должен бросить в тебя первый попавшийся камень!

Гарун-аль-Рашид снял тюрбан, сорвал с него огромный бриллиант, славный «Великий Могол», и бросил в Фатьму-ханум.

Бриллиант упал у ее ног.

—Вторым будешь ты!—сказал Халиф обращяясь к Великому Муфтию. Твой тюрбан украшает великолепный тем-

но-зеленый изумруд, цвет Пророка, да будет нам мир и благословение...Какое лучшее назначение для такого прекрасного камня, как покарать порок?

Великий Муфтий снял чалму, сорвал огромный изумруд и бросил.

—Очередь за тобой, Верховный Кади! Суров твой долг и кровью сверкает огромный рубин на твоем тюрбане. Исполни свой долг!

Кади снял чалму, оторвал рубин и бросил.

— Женщина! — сказал Гарун-аль-Рашид,—возьми эти камни, заслуженные тобой, как наказание за преступление. И сохрани их как воспоминание о милости твоего Халифа, благочестии его Великого Муфтия и справедливости его Верховного Кади. Иди!

И с тех пор, говорят, повелся на свете обычай закидывать красивых женщин драгоценными камнями.

—Шейх-Газиф, мой Великий Муфтий! —сказал Халиф,—надеюсь, что сегодня ты съешь плов в свое удовольствие. Я, исполнил твою фетву!

—Да, но я ее отменяю. Она слишком сурова!

—Как? Ты говорил: закон как собака.

Чем злее, тем больше его боятся!
—Да, повелитель! Но собака должна кусать чужих. Если же она кусает хозяина,—собаку сажают на цепь!

Так судил мудрый Халиф Гарун-аль-Рашид во славу Аллаха Единого и Милосердного.

КАК С ГАССАНА СВАЛИЛИСЬ ШТАНЫ

Да, да. Именно вот так и называется:

—Как с Гассана свалились штаны.

Вот как это случилось:

Жил, был в великом и славном городе Багдаде богатый и знатный купец.

Как его звали?

Когда он играл на коленях у своей матери...

(Где рай? На коленях у матери!)

Мать звала его:

—Гассан-Хакки. Гассан-Счастливый.

Был Гассан молод, красив, умен и богат.

Несметно богат.

Чего ему еще не доставало?

Гассан решил -однако:

—Жениться.

Сказано-сделано.

В невесты ему сосватали самую кра-

сивую девушку во всем городе.

Она была... она была... нет, словами этого не скажешь...

Как она была красива, может описать разве только музыка.

Одним словом, она была так же красива, как Ваша возлюбленная, господин мой!

И как Ваша!

И как Ваша, мой добрый господин! (Таким образом,я надеюсь, мы угодим на все вкусы.)

Весь Багдад позвал к себе Гассан на пир.

Вот тут-то багдадские повара и показали, что они, по всей справедливости, считаются первыми поварами в целом мире.

А среди овечьих стад прошел слух:

—Пришел конец мира! Гассан решил уничтожить всех молодых барашков, начинить их фисташками и зажарить!

Глядя на эту веселую, богатую, роскошную свадьбу, женщины плакали от зависти сладкими слезами, до того они наелись шербетами, розовым рахат-лукумом и медовым вареньем из лепест-

ков персикового, миндального и абрикосового цвета.

Девицы питались только засахаренными цветами сирени и фиалками и клялись, что больше ничего не будут есть, вплоть до собственной свадьбы.

У людей кружилась голова от музыки.

У молодежи ноги подкашивались от плясок и танцев.

Людям пожилым и солидным запрещенное Кораном вино, как раб, кидалось в ноги, схватывало их за ноги и валило на землю.

Но вот ударила полночь,—настал желанный час.

Женщины взяли невесту и повели ее в нарядную спальню.

Среди смеха и шуток раздели ее и положили на брачную кровать, завешенную кружевами.

Свахи пошли за Гассаном.

Сопровождаемый друзьями, он шел так, как следует идти человеку молодому и мудрому.

Шел бодро, весело,—но не торопясь.

Потому, что мудрый никуда не торопится: ни на казнь, ни на свадьбу.

Жизнь и так летит как стрела.

Нечего еще торопиться жить.

Не спеша уселся Гассан на тахту, против постели, завешенной кружевами. Не спеша выслушал поздравления и пожелания своих друзей, не спеша поднялся и сказал:

—Кланяюсь вам, друзья моей молодости, и прощаюсь с моей холостой жизнью.

Не спеша шагнул к постели.

Но.., в эту минуту с Гассана вдруг... свалились штаны...

—Хохот раздался кругом, словно гром.

Как зарезанные визжали старухи.

Словно колокольчики заливались молодые женщины.

Катались по полу мужчины.

Залилась пронзительным хохотом молодая, которая видела все сквозь кружевной полог, и чтобы не было слышно ее безумного смеха, начала отчаянно звенеть браслетами и запястьями.

Все кругом умирало от хохота.

А Гассан беспомощно стоял с голыми ногами , со спустившимися штанами.

Даже ноги у него покраснели.

Не помня себя от конфуза, он подхватил штаны и кинулся вон из дома.

Он выбежал во двор, вскочил на первую попавшуюся верховую лошадь, принадлежавшую кому-то из гостей, изо всей силы ударил ее пятками под бока и вылетел на улицу.

А из дома несся сумасшедший хохот.

От каких пустяков часто зависит человеческое счастье!

Как безумный летел Гассан прямо по дороге, куда глядят глаза.

Не помня себя, он гнал лошадь.

И ранним утром увидел быстро приближающийся к нем город Дамаск.

Говорят, будто горек хлеб изгнания.

Какая неправда!

Не горек, не сладок хлеб изгнания.

Земля изгнания совсем никакого хлеба не родит для изгнанников.

Нет вкуса у хлеба изгнания...

Нищий, без цехина в кошельке, очутился Гассан на улицах чужого города...

В чужом городе из каждой подворотни готова на вас броситься собака, как на вора.

Каждая дверь в чужом городе только и ждет, не постучитесь ли вы, чтобы захлопнуться у вас перед носом.

В чужом городе на мостовой каждый камень готов полететь вам в голову.

И только одни деревья в чужом городе встречают вас, гостеприимно протягивая свои осыпанные цветами ветви:

—Повесься!

С ужасом оглянулся Гассан на чужой город...

Пошел на базар.

Продал измученного коня, на котором приехал, и купил на все деньги жаренного миндаля.

Взвалил мешок с ним на плечи и пошел, останавливаясь перед окнами, которые был заделаны деревянными решетками, — перед гаремами.

—Вот я человек, приехавший издалека!

Я ищу женских зубок, которые поспорили бы в белизне с моим миндалем! Эй! Где здесь самые белые женские зубки!

—Ох, не обломать бы зубы о твой миндаль,— отвечали из-за решетки.

—Не беспокойся Госпожа,—с поклоном отвечал Гассан,—мой миндаль лопнет от зависти, едва попадет к тебе в рот! Увидит твои белые зубки и

лопнет от зависти! Не придется даже его раскусывать!

И к полудню, он продал весь миндаль.

Подсчитал барыши и купил апельсинов корольков.

—Где здесь пурпурные губки, которые могли бы поспорить с моими корольками?

—А сочны ли твои апельсины?— спрашивали из-за решеток.

—Ах, Госпожа, мои апельсины превратятся в слезы от зависти, очутившись в твоих губках!

И солнце было еще высоко, а апельсины были все уже проданы.

Так распродал он партию рахат-лукума, всевозможных шербетов; стал известен на базарах, получил кредит, и вместо кондитерской торговли, завел торговлю ювелирными вещами.

По понедельникам, когда по восточному обычаю базар посещается только женщинами, Гассан раскладывал около себя свои товары и, лукаво улыбаясь из-под кудрявой черной бороды, говорил:

—Прекрасная Госпожа! Прекрасная Госпожа! Хочешь, чтоб твои глаза ни-

когда больше не плакали? Купи эти серьги! Посмотри,что за бриллианты! Слезы! Настоящие слезы! Женщину должны украшать слезы! Уж такова судьба! Кизмет! Купи эти серьги, и слезы никогда не будут блистать в твоих глазах! Дай взятку судьбе! Зачем же слезам сверкать в твоих глазах, когда они сверкают у тебя в ушах?

—Прекрасная Госпожа! Несравненная Госпожа! Не покупай у меня ничего, только взгляни! Только взгляни! От твоего взгляда эта бирюза станет похожа на кусочек неба! Скажи своему милому, пусть купит тебе брошку из этой бирюзы! Пусть он увидит кусочек неба на груди у своей милой! Вот сапфир, синий и глубокий как море! А вот рубин, как капля крови. Он светится даже в темноте. Госпожа! Прекрасная Госпожа! Попроси своего милого подарить тебе или море, или каплю крови! Мой совет возьми каплю крови! В капле крови больше бурь, чем в целом бездонном море!

—Красавицы! Красавицы! Вот жемчуг! Вот жемчуг!

—Я боюсь. Жемчуг означает слезы!

—Только мелкий, Госпожа! Только

мелкий! Только мелкий приносит слезы. Никогда еще крупный жемчуг не заставлял плакать женщину!

Так, смеясь и балагуря, весело болтая, вел свой торг и богател Гассан и скоро стал известен всему Дамаску.

Слух о нем дошел до самого султана Дамаска.

Аллах один султан!

Нет Султанов, кроме Султана Султанов—Аллах.

Аллах акбар!

Султан захотел видеть всеобщего любимца, остался доволен его рассуждениями, умом и в разговоре сказал ему:

—Самое трудное для султана,—это назначать себе визирей!

—Тебе виднее, повелитель!—отвечал с глубоким поклоном Гассан,—но мне кажется это дело не таким уж трудным. Как у нас делают обыкновенно: берут какого нибудь человека, делают его визирем и говорят: «Вот вам умный человек! Вы обязаны его слушаться, а если не будете,—голову долой!» А что если бы сделать иначе? Не производить человека сразу в умные люди и в визири. А взять самого умного человека и сделать его визирем?

Султан только покачал головой:

—Это очень просто! Но это никогда не приходило мне в голову. Взять умного человека и сделать его визирем? Гассан ты умный человек и я делаю тебя своим визирем!

—Повелитель! Слышать тебя—значить: повиноваться!

И Гассан стал Великим Визирем.

Он был мудр, добр и справедлив.

Добрые его любили, злые боялись.

Законы, которые он издавал, нравились всем, и все в Дамаске с удивлением говорили:

—Какой Визирь у нас! Не знатный, не славный, не знаменитый,—а просто умный человек!

Так прошло десять лет.

Султан Дамаска призвал к себе своего любимого Визиря и сказал ему:

—Гассан, да будет благословен тот день, когда ветер оторвал тебя от родного дерева и принес к нам! Да будет благословен Великий и Святой Коран, который повелевает нам быть гостеприимными к чужестранцам! Вот уже десять лет, Гассан, как я слушаюсь твоих советов и исполняю твою волю на благо моего Дамаска. Теперь я хочу,

чтобы ты выслушал мое слово и исполнил мою волю. Слушай Гассан! Не долго мне осталось выслушивать твои добрые советы. Мой путь до могилы так короток, что я едва успею оглянуться назад. Я вижу мой родной Дамаск счастливым под твоим мудрым правлением, и я хотел бы сохранить ему это счастье до конца твоих дней.

Слушай, Гассан! У меня нет наследника. Я выдам за тебя замуж свою любимую дочь и сделаю тебя Султаном Дамаска. Слушай и повинуйся!

Гассан поцеловал землю у ног Султана и сказал:

—Слушать тебя это значит повиноваться. Султан! Аллах один Султан! Нет Султана, кроме Султана Султанов, —и вот, что сказал мне Султан над Султанами:—«Гассан! — сказал он мне, —прекрасен Дамаск,—но твоя родина —Багдад! Много красавиц на свете,но никакое лицо красавицы не прекрасно так, как прекрасны морщины матери! Тот, кто считает, что лучше быть Султаном в чужой стране, чем простым гражданином в своей,—не достоин быть ни простым гражданином в своей стране, ни Султаном в чужой.»

Так сказал мне Султан Султанов, а когда говорит Султан Султанов, все Султаны земли должны молчать!

Султан разгневался.

—Так-то ты, слуга, исполняешь волю своего повелителя? Я хотел сделать тебя счастливым. И я сделаю тебя счастливым! Я сделаю так, как решил!

Это маленькая слабость Султанов.

Они уверены, что могут делать людей не только знатными, богатыми, сильными, но и счастливыми.

И чтобы сделать Гассана счастливым, Султан приказал заключить его под стражу.

Но Гассан убежал.

Он оседлал коня, наполнил золотом кошелек и в полночь поскакал в Багдад.

Как и десять лет тому назад, он не давал коню роздыха и, когда солнце брызнуло лучами из-за гор, Гассан увидел себя у городских ворот Багдада.

Гассану показалось, что нигде в мире так не цветут и не благоухают деревья, как вокруг Багдада.

И что нигде в мире минареты так

прямо и так высоко не уносятся в небо.

Он соскочил с коня, упал на колени и поцеловал землю.

А в это время у городских ворот сидела старушонка нищая и вычесывала насекомых у внучки из головы.

—Смотри бабушка! Смотри, что это он делает?—сказала девочка,—он ест землю?

—Не ест, а целует, молчи дурочка, молчи!—ответила старуха,—какое тебе дело? Может быть это человек, который очень любит свою родину, а может быть—пьяный. Не следует связываться, ни с тем, ни с другим. Тебе стыдно! Ты уж не маленькая!

—А сколько мне лет, бабушка?—кривлялась девченка.

—Тебе? Одиннадцатый годок пошел. Ты родилась в тот самый год, когда с купца Гассана на свадьбе свалились штаны!

Словно родная земля плюнула в лицо Гассану.

Он вскочил на ноги.

— Аллах акбар! О,Аллах! Великий, милосердный и всемилостивый! Они считают свое летосчисление с того дня,

как с меня свалились штаны! И какая то паршивая девченка, которая не знает сколько ей лет, знает, что десять лет тому назад с Гассана свалились штаны! Я прожил две жизни, я начал жизнь сначала, из нищего вновь превратился в богача. Я был наверху могущества, управлял государством, я издавал мудрые законы, я сделал счастливым целое государство, я мог сделаться султаном, а тут какая -то нищая, вычесывая насекомых своей паршивой девченке – внучке, не может забыть, что у меня десять лет тому назад свалились штаны!!

И вскочив на коня, Гассан повернул его и поскакал куда глаза глядят.

Вот, что узнал о людях Гассан...

А все о них знает один Аллах.

НЕ ТЕ ПЯТКИ

Как все в Китае, так и эта сказка,— необыкновенно премудра, глубокомыслена и в высшей степени поучительна.

Люди, как ружья.

Их заряжают с казенной части.

Сколько бы педагоги ни говорили, что людей нужно заряжать хорошими идеями с головы,—правители во всем свете продолжают заряжать их хорошими идеями с казенной части,—начиная от спины и ниже.

Китайцы, как вам известно, дошли до крайней точки.

Они внушают своим гражданам добрые идеи бамбуками по пяткам.

Почему именно по пяткам?

Вероятно, потому, что перед наказанием у человека душа уходит в пятки.

А раз она уходит в пятки,—вот тут-то по адресу она и получает внушение национальными бамбуками.

Сын солнца, брат луны, отец всех звезд на небе, победитель всех народов на земле, повелитель всех королей, императоров, царей, султанов и князей, великий, славный, могущественный премудрый Богдыхан Чинг-Чанг сидел в Государственном Совете среди самых крупных, отборных и тонкокожих своих мандаринов.

Богдыхан задумался и сказал.

И был голос его, как звон колокольчика:

—В мудрости своей мы хотели бы знать, что делается у нас в Китае. Среди вас, наши отборные мандарины, мы видим нашего славного Тун-Ли. Он ближе всех к стране и народу. Он начальник полиции. Он заведует продовольствием и добрыми нравами. Кормит народ рисом и бамбуками. Славный и мудрый Тун-Ли! Встань и, не боясь за свои благородные пятки, скажи нам, как поживает наш Китай?

Все подняли пальцы в знак уважения к Богдыхану.

Тун-Ли поднялся и, отдав по церемониалу 472 поклона, сказал:

—Сын Неба! И собака лает при луне! Поэтому и я почерпаю смелость говорить в твоем присутствии. Ничтожный червь будет говорить правду. Потому что ложь надо выдумать. А где же взять для этого ума безмозглому червю? Выдумывают умные люди, для дураков же хороша и правда... Пекин воюет с Нанкином. Нанкин с Кантоном. Кантон с Шанхаем. А Китай между тем процветает. Процветание нашего великого Китая дошло до того, что все иноземные дьяволы готовы самих себя съесть от зависти. Достаточно тебе сказать одно, великий и премудрый Богдыхан. Процветание Китая дошло до того, что здесь куры несут золотые яйца.

—Как, золотые яйца?!—воскликнул Богдыхан.

И был голос его, как звон серебряных колокольчиков.

—Да, ведь, это бывает только в сказках?!

Тун-Ли, сделав по церемониалу 372 поклона, ответил:

—Это бывает и в стране сказочного благополучия —в Китае. Если бы ты не был Богдыханом, я сказал бы тебе:

прошествуй сам на базар, не раздавив по дороге своего ничтожного червя, и всемилостивейше взгляни сам. Почем десяток яиц? Десять червонцев! Что ни яйцо, то червонец! В других странах человек должен работать целый день с утра до ночи, чтобы заработать червонец. А у нас? Курица кудкудахнула—и червонец.Кудах-тах-тах и червонец!

Все подняли пальцы в знак изумления, только мудрец Чи-Сан сказал:

—Там, где слишком весело курам, обыкновенно, грустно живется людям!

Но Богдыхан, сделал ему милостивый знак замолчать и заметил:

—Наш великий наставник Чи-Сан премудр, а потому, Тун-Ли, не обращай на него никакого внимания. На то и мудрость на земле, чтобы омрачать радость. На то и тучи на небе, чтобы заслонять солнце. Как ты сказал, Тун-Ли? Кудах-тах-тах—и червонец?

—Кудах-тах-тах и червонец! Кудах-дах-тах-тах—и червонец! Кудах-тах-тах—и червонец!.....

И весь Государственный Совет в восторге повторял:

—Кудах-тах-тах и—червонец!

Еще никогда не было такого веселого заседания Государственного Совета.

Богдыхан приказал ударить в тамтам и сказал:

—Объявляю заседание Государственного Совета оконченным! Государственный Совет—это место скуки, заботы и печали.

А я слишком счастлив сейчас, слишком весел, слишком рад душою, чтобы заседать в таком скучном месте! Объявляю на три дня во всем Пекине народные празднества и увеселения с фейерверками и иллюминацией по случаю радастного события!

И Государственный Совет разошелся при криках:

—Кудах-тах-тах—и червонец!Кудах-дах-тах-тах —и червонец!

Веселый и радостный вышел в свои сады Богдыхан Чинг-Чанг.

Первого же встречного Мандарина 14-го класса произвел сразу в 1-й.

Встретившуюся кормилицу своего старшего сына произвел в Генерал-Фельдмаршалы и шел, рассыпая ордена Дракона, цветные кофты и ши-

шечки на шапки, как звезды на Млечном пути.

Так дошел он до уединенного киоска в саду, где среди цветов жил мудрец Чи-Сан.

—Люблю мудрецов только издали! —сказал Богдыхан, — вблизи с ними не о чем разговаривать! Вам мудрецам не пожалуешь, ни ордена Дракона третьей, второй, ни даже первой степени! Вас не радуют, ни желтые, ни синие куртки! Вас не интересуют даже шишечки на шапке!

—О, великий и славный Богдыхан! —отвечал мудрец,— если бы ты, в беспримерной твоей милости, подарил бы мне десяток яиц,—я не находил бы на нашем китайском языке слов, как тебя благодарить!

—Как? Ты? Мудрец?—с изумлением воскликнул Богдыхан, —обрадовался бы такому ничтожному подарку?

—А разве есть должны только одни дураки?—спросил Чи-Сан,—я имел честь доложить тебе, что там, где очень весело курам, обыкновенно совсем не весело людям. Это очень хорошо: кудах-тах-тах—и червонец! Но людям при этом приходится умирать с голода.

—Чтоб драконы побрали этого проклятого Тун-ли! —с отчаяньем воскликнул Богдыхан,—меня, Сына Неба, он сделал каким-то петухом из курятника! Я, повелитель 500 миллионов китайцев, обрадовался, как петух в курятнике! Кудах-тах-тах—и червонец!

Богдыхан расстроился так, что совсем забыл приказать выдать мудрецу десяток яиц, поспешил во дворец, приказал немедленно прекратить все народные празднества и увеселения, фейерверки и иллюминации и собрал заседание Государственного Совета по страшно важному, не терпящему отлагательства делу.

Государственный Совет собрался.

Великий Богдыхан был мрачен, и был голос его, как грохот барабана.

—Презренный Тун-Ли,—сказал Богдыхан,—представил нам сегодня утром положение нашего Китая цветущим, а страна, как оказывается, гибнет! В этой стране куры несут яйца по червонцу за штуку,—а такой мудрец, как Чи-Сан,—краса, гордость и украшение нашего царствования,—должен из-за этого умирать с голода!Подумай-

те, что скажет потомство,что скажут летописи, что скажет история? «Чинг-Чанг. В царствование этого Богдыхана премудрый, знаменитый, великий Чи-Сан, краса и украшение Небесной Империи, умер с голода!»—Какого-нибудь восьмилетнего мальчишку будут спрашивать в школе: «А чем был замечателен Богдыхан Чинг-Чанг?» А этот каналья будет отвечать : « Тем, что в царствование этого Богдыхана мудрецы умирали с голода!» Так в его царствование умер с голода величайший философ Китая Чи-Сан! И учитель, вместо того, чтоб его выдрать, будет гововить ему: «Молодец!» Мое имя будет вычеркнуто потомками из списка предков! Оно станет насмешкой, позорищем для всех будущих поколений Китая! Вот до чего довел меня ты, презренный Тун-ли, своим хвастовством:Кудах-тах-тах—и червонец!

Тун-Ли, защищая свои пятки, проворно вскочил на ноги и, сделав положенные по церемониалу 637 поклонов, сказал:

—Если глупому сыну моего отца разрешено говорить, я хочу сказать слово, Великий Богдыхан!

—В неизреченном милосердии своем,мы разрешаем:можешь еще раз испортить воздух своим дыханием. Говори! Послушаем, что пропищит ничтожнейший из наших червей!

—Сын Неба!—сказал Тун-Ли, припадая к стопам Богдыхана,—преступление определено. Яйца стоят по червонцу за штуку. Теперь остается только найти: чьи пятки в этом виновны.

И все мандарины нашли, что слова Тун-Ли совершенно согласны с законами и обычаями Небесной Империи.

—Только нужно найти именно те самые пятки, какие следует! —сказал мудрый Чи-Сан.

—Вот именно!—с восторгом подтвердил Тун-Ли, —сама мудрость говорит твоими устами, великий и премудрый Чи-Сан! Именно, те пятки, какие следует! Чьи же пятки виновны в дороговизне яиц? Кто торгует яйцами в деревнях? Кто перепродает их для

продажи в город? Крестьяне! Значит их пятки всему и причиной! Дать им хорошенько бамбуками по пяткам и яйца подешевеют!

—Твой совет, мне кажется, продиктован мудростью!—сказал Богдыхан,—Тун-Ли, ррррaспорядись!

—И Тун-Ли распорядился.

7 бамбуковых рощ ушли на внушение китайским крестьянам правильных цен на яйца.

А яйца вздорожали.

На базарах их продавали по два червонца за штуку.

Крестьяне продавали яйца вдвое дороже.

—Червонец за яйцо, а червонец за бамбуки. Пятки-то во что нибудь ценишь?

Богдыхан совсем больше не видел своего премудрого наставника.

Мудрец Чи-Сан лежал у себя в павильоне и умирал с голода и сред цветов.

Богдыхан зашел к нему.

—Такое испытанное средство,как бамбуки, и то не помогло!! — в отчаянии воскликнул Богдыхан.

И мудрец, собрав последние силы, прошептал:

—Не по тем пяткам, Сын Неба.

Богдыхан приказал немедленно вновь собрать весь Государственный Совет.

И Государственный Совет вновь собрался.

—Откровенно вам скажу мандарины,—сказал Богдыхан.

И были слова его, как холодный чай.

—Не люблю я мудрецов! Хлопотливый народ! То-ли дело, простые не мудрые люди. Живут пока живется, а смерть придет,—умирают тихо, смирно—душа радуется! А избавь Боже иметь на своем попечении знаменитость. Ответственность перед потомством. Умрет,—отчего умер? Да как? Да почему? Да каким манером? Великий Чи-Сан снова при смерти. Яйца еще больше вздорожали,—и никогда еще бессмертие не было от него так близко, как сейчас. Все твои старания Тун-Ли пропали даром.

—Сын Неба! Не порти своей божественной печени! Твоя печень нужна отечеству!—воскликнул Тун-Ли, сде-

лав положенные по этикету 837 поклонов,—зло известно: дороговизна яиц. Лекарство найдено: бамбуки. Ошибка только в приложении. Не к тем пяткам приложили.

—Вот, вот! И премудрый Чи-Сан говорил: „Не те пятки!"

—Я, глупый сын моего глупого отца, счастлив, сойтись во мнении с великим мудрецом. Значит теперь нужно только приложить бамбуковые палки к настоящим пяткам. Мы прикладывали спасительный бамбук к пяткам крестьян. Но в купле и продаже всегда виноваты двое. Тот, кто дорого продает, и тот, кто дорого покупает. Вольно же жителям Пекина платить по два червонца за яйцо. Этим они только поощряют дороговизну, плодят алчность и портят крестьян. Бамбуками их по пяткам: не разводи пороков! Необходима борьба с расточительностью!

—Тун-Ли!—воскликнул Богдыхан,—твое рассуждение построено по всем правилам логики и справедливости. Тун-Ли, рраспорядись!

—На этот раз потребуется много бамбуков,—заметил мандарин, ведав-

ший государственной казной.

—Неужели я пожалею бамбуков для своих подданных?! — воскликнул с чувством Богдыхан.

И борьба с расточительностью пошла по всем базарам Пекина.

Три дня шла борьба.

Целых три дня.

А на четвертый, яйца стали по четыре червонца за штуку.

Никто не решался покупать яйца на базаре открыто.

Их продавали из-под полы, и потому вдвое дороже против прежнего.

Премудрый Чи-Сан, как мудрый, сам не пошел на базар, а послал кухарку.

Кухарка вернулась с базара поздно, на цыпочках, как балерина,—на пятки она не могла ступить.

Но вместо четырех яиц принесла с базара одно.

Богдыхан, в своей бесконечной заботе о мудрости, зашел справиться о здоровье Чи-Сана.

И застал его почти при смерти.

Мудрец только показал ему пальцем на пятки и прошептал:

—Не те...

Богдыхан зарыдал!

—Чи-Сан! Мудрый! Великий! Наставник! Продержись! Не умирай хоть один день еще! Клянусь драконами,все будет исправлено к завтрашнему дню. Речь идет о голове негодного Тун-Ли!

И Богдыхан приказал немедленно собрать Государственный Совет.

Государственный Совет собрался.

Сын Неба был гневен.

Глаза его метали молнии.

Голос звучал как гром.

Он воскликнул:

—Ничтожный Тун-Ли! Готовься сложить на плахе испорченную луковицу, которую ты осмеливаешься называть головой! Великий Чи-Сан умирает, и история готовится покрыть наше имя позором!

Тун-Ли распростерся ниц перед Богдыханом и воскликнул:

—Сын Неба! Не все ли равно! сегодня или завтра отлетит такая дрянь, как моя голова? Один день жизни,Повелитель Вселенной! И клянусь, что настоящие пятки будут найдены. Мы пересмотрели все пятки в Китае и не посмотрели только те, какие нужны.

Теперь я нашел настоящие пятки! Кто несет яйца? Куры! Кур и нужно бить бамбуками по пяткам! Не неси дорогих яиц! Не неси! Не неси!

Весь Государственный Совет просиял от радости, слыша такое простое, ясное и справедливое решение.

—Тун-Ли! Рррраспорядись!—приказал Богдыхан.

И Тун-Ли распорядился.

Целый день во всем Китае, надо было кричать во все горло, до того кудахтали куры.

Их ловили, перевертывали вниз головой и били бамбуками по пяткам.

А на следующий день, куры перестали нестись.

В смертельной тревоге пришел Богдыхан посетить мудрого Чи-Сана, в его павильоне среди цветов.

Чи-Сан умирал.

Он с краткой улыбкой мудреца обратился к рыдавшему у его ног Богдыхану, собрал последние силы и сказал:

—Ты интересуешся, Сын Неба, что скажет о тебе история? Не безпокойся.

Ничего особенно дурного.Она скажет:

„Чинг-Чанг, был добрый Богдыхан. У него были самые лучшие намерения. Но его преследовало одно несчастье: он всегда попадал не по тем пяткам. Не беспокойся, однако, Сын Неба. Такова же участь очень многих Богдыханов на земле. Вечно попадать не по тем пяткам!

Сказал это мудрый Чи-Сан и умер.

Verlag „ECHO”
Regensburg, Ganghofer-Siedlung,
Brentanostr. 6.
Authorized by EUCOM Civil Affairs
Division APO 757.

Цена 5 марок